

СЕРГЕЙ ПОПОВ

ВСЯ ПЕЧАЛЬ

книга стихов

Москва
2021

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

П58

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей.*

Сергей Попов

П58 **Вся печаль** / Книга стихов —

М.: Вест-Консалтинг, 2021 — 140 с.

ISBN 978-5-91865-673-0

В книге Сергея Попова представлены стихи разных лет. Некоторые из них знакомы читателям по журнальным публикациям, многие печатаются впервые. Несмотря на интонационное, лексическое, тематическое разнообразие представленные сочинения обретают на книжных страницах художественное единство. Их органичное сосуществование оказывается важным для восприятия как каждого отдельного стихотворения, так и книги в целом.

*В оформлении обложки использованы материалы
сайта бесплатных изображений pixabay.com.*

© Сергей Попов, 2021

© «Вест-Консалтинг», оформление, 2021

МЕСТНОЕ НЕБО

* * *

Струнные режут слух, небосвод кровит.
Здешний Морфей подсел на нездешний джаз,
радиосплетни, новости про ковид,
макли с голосованьем в который раз.

Крепок бурбон, старателен саксофон,
йодом рассветным комната залита.
Вот и лекарство — стало быть, мир спасён —
прежняя кровь не выкипит ни черта.

Разве что к горлу нагло подкатит ком
по звукоряду с паузами для слёз —
даром, что время пьётся одним глотком,
и не пристало плакать о нём всерьёз.

Банда резвится, мечется звук в сети.
И накрывает где-то уже к пяти.
Мигом почти.

Но и во сне кошмарят наперебой —
полный абзац, пока не очнёшься к трём —
Диззи Гиллеспи с выгнутою трубой
и Чарли Паркер с буторным вискарём.

И непонятно, статуи сносят где
и чумовую крышу снесло когда...
И кукуруза в спирте всегда к беде
или чревата проблесками беда?

Это одна реклама, что поутру
всё будет славно с муторной головой —
невыносимо на новостном ветру,
если проснёшься к вечеру чуть живой.

И за бемолем — снова блажной диез.
Дикие ноты вновь обретают вес
в аранжировках пьес.

Бешеный Гарлем, судорожный бибоп,
сороковых отчаянный героин...
И за синкопой — сразу сплошной озноб
у не протрезвевшего до седин.

У обожателя жизни смешная роль —
чёрным по белому вносится в нотный стан
позднего бденья импортный алкоголь,
что трудовую печень давно достал.

Но если время снова плывёт во тьму,
если опять и сам он всю плывёт —
стало быть, светит вписывать самому
партию счастья в нынешний переплёт.

Будут ударные, клавишные, вокал...
Кто в партитуру будущего вникал,
не осушив бокал?

АКВИЛОН

Погода обещает быть бедовой.
Что не шататься улицей бордовой
от раннего заката по зиме
родного созерцания на страже
при необременительной поклаже
пустых прикидок в сумрачном уме?

О чём печаль? Подруги служат в банке,
в который перекачивают янки
свою трансатлантическую спесь.
Но мы, сильны и сушею, и морем,
себе и сами золота намоем,
эпически прогуливаясь здесь.

И если небеса обетованны,
им подотчётны сочные болваны,
уставленные в сводки и ПК,
видны насквозь и ход вещей окрестных,
и лапочки при твёрдых интересах,
пока не получившие пинка.

Погода ничего не обещает.
Уступчивое сердце обольщает
предательский промозглый ветерок
над пустырём прямого зренья в корень,
фотоэффект которого бесспорен
и крепок неувоенный урок.

И водяные перистые знаки
на облаках проглядывают аки
намёк на риторический вопрос:
что за осадки — не видали эки? —
в любое уложение человеки
до будущего веруют всерьёз.

* * *

Январь безумца обязал
забить на всё и вся —
ночная опрометь, вокзал,
мышинная возня
и слов, и домыслов, и снов
с подачи дальних лет
ниспровергателя основ,
купившего билет.
Куда? Конечно же туда,
где фишки по местам
и получалось без труда
гореть и тут, и там.
И с пеплом ладиться, смеясь,
и нежиться в дыму,
и говорить, где грязь, где князь,
не братья никому.
Но тьма — доподлинно не дым,
и сны — не в руку тьме...
Лишь молодым, дурным, худым,
с тоской по кутерьме
себе мерещиться горазд
в морфеевых садах,
испелеляя сотый раз
и лад, и божий страх
под стук и лязг вагонных скреп
и скрежет чумовой,
тот, кто уснул, но не ослеп,
отъехав головой.
Он видит башни и мосты
из прежнего насквозь,
сквозные шашни пустоты,
слезу с рассудком врозь.

Уходит абрис в никуда
строений и дерев,
но световая чехарда —
лукавый обогрев.
В сердечной сумке — тонкий лёд
и дикие огни...
И свет пощады не даёт —
куда ни поверни.

* * *

Радиоточка брешет день-деньской,
переходящий в сумерки ума
над реновационною Москвой,
где киснет аномальная зима.

Ещё грозят серпом да молотком
с ВДНХ буржуйским небесам.
Но выданное в детстве с молоком
за всю печаль просаживаешь сам.

Спускаешься из номера в кабак —
там депутат уходит в никуда.
А по-другому попросту никак —
такая минеральная вода.

Как не понять, что жизнь пошла всерьёз —
нефтянка, забугрные счета...
Пора валить? Ни разу не вопрос.
Но там не отстираешь ни черта.

Он говорит «кранты, кранты, кранты»,
роняя благородную слезу.
Но звёздами с кремлёвской высоты
любовь и кровь горят в его глазу.

И забывая классовую блажь,
по линии сомнения идёшь.
А чем вышеозначенный типаж
по сути дела так уж не хорош?

В столичный оборачивая лоск
свою командировочную статью,
он и не сомневается, что лох,
но силится от жизни не отстать.

Не нужно златоглавой тормозов.
И догоняешь как провинциал,
что откликаться следует на зов,
а если нет — тогда пиши пропал.

И требуется вовремя и всласть —
да чтоб чутьё к тому ж не подвело —
и в детство заспиртованное впасть,
и отслюнявить кровное бабло.

И проскользить по радиоволне,
и глянуть на вошедшего в упор,
ещё соображая не вполне,
о чём вести с народом разговор.

Ведь если тот нацелился с высот
в сад оголтелых радостей земных,
то расположен после пятисот
единственно — по репе и под дых.

Да и слова теряются к тому ж
в медальном звоне, гвалте наповал,
пока оркестр вовсю играет тушь
тем, кто иное раньше напевал.

И лёд не покоряется воде.
И не проходит в челюсть боковой...
И всюду звёзды, музыка везде.
И общая зима над головой.

* * *

Множитель взглядов искоса, слов не в масть,
спорщик о том, что ранее с ним стряслось,
как угораздило напрочь не запропасть
небо коптившего с благообразьем врозь,
как раскурить отсыревший к утру табак,
определить по запахам, где жильё,
палкой отбиться от своры лесных собак
и поселковое перехитрить жульё,
за полбутылки клёвый сыскать ночлег,
местных простушек перешерстить набор,
присочинить, что есть тебе оберег —
яшма-усмешка с южноуральских гор,
где в шлакоблочных днях, кочевых ночах
накоротке со спиртом да чифирём
чуть было вовсе вскорости не зачах,
вдрызг обрубаясь разве что к четырёх.
А миновав обмерку пред пущим сном,
верку ли, клавку холить до холодов,
видеть, как снег срывается, невесом,
воображать, что ты ко всему готов.
Может, лишь эта робкая полумгла,
заполонив некопанный огород,
что-то ещё и впрямь обелить могла,
но не судьба от вышних прожить щедрот.

* * *

На местном небе месяц вышит
неяркой гладью спрохвала.
Дела идут, контора пишет
про окаянные дела.

Про то, что здесь с любого бока
к светилу просто подойти —
и то оно любезно оку,
то, прямо скажем, не ахти.

Скорей не скажем, а запишем
пером безвременья в груди,
что пятна тёмные на рыжем
одни маячат впереди.

Не впереди, а больше с края,
где не срабатывает тьма,
но всё на свете попирая,
в неё влечёт сойти с ума.

И что тогда конторской пыли
налёт на нитках в сургучах?
Перелистали и забыли,
и месяц исподволь зачах.

Полузабвение что дышло —
тому светило и тому.
И время вышито как вышло,
а никогда не по уму.

Достанет ниток да иголок
в неопиcуемой стране.
И свет ледащ. И ветер колок.
И всё окончено вчерне.

И лишь вдали стежки лиловым
рассвета жалует рука.
И кто в начале явлен словом,
светло глядит издалека.

* * *

Л. С.

Сумочка в частую крапину.
Беличьей шубки разлёт.
Слушала, помнится, Апину.
Знала всё-всё наперёд.

Честные-честные с искрами
до помрачения жгли...
Как обожается исстари,
что растворилось вдали!

Фортели за полночь, в чёрную
кровь загонявшие муть.
Дёрганья крашеной чёлкою, —
«Перечеркни и забудь».

Давешней песенки каверза,
полузабвения мга.
Нерастворимого абриса
выкройка вся недолга —

росчерки смеха и вызова
в крапчатом брезжут снегу,
дамского шлягера сызнава
опровергая пургу.

* * *

Даром ночи, яростно ясны,
с присвистом проскакивают прочь.
«Расскажи ребяческие сны.
Только всё по-честному — точь-в-точь.

Без прикидок и обиняков.
И не говори, что позабыл.
Дескать, промелькнул — и был таков:
сам же и обмолвился, что был...»

И вскипают кровью мертвецов
сонные цветы календаря,
чтоб рассвет, безумен и свинцов,
заливал и суши, и моря.

И к тебе из выбывших времён
столько не дотягивалось рук,
точно, в пробужденье растворён,
занимался заговор вокруг.

Пустота, зажата в горсти.
Чьё-то заклинанье «отпусти».
Смех и грех с любовью пополам,
где слова сопутствуют стволам.

И летят из присной темноты —
точно та распаду не мила —
склеенные потом животы,
в почву залучённые тела.

Славы ахиллесова пята —
то свинца, то меди маета
напролёт, навывлет, на убой...
Песня не расстанется с тобой.

* * *

Расставляет вехи кто и дразнит на полпути,
смотрит ласково, да шуток не обойти.

Чёлка линией, рыба шубка, разлёт бровей.
Поминай быльё, поддакивай, не робей.

Сушь морозная, высверк воздуха, снежный ком.
Косо спрошено походя, высмотрено тайком.

Прокатилось с присвистом вдоль по своей прямой,
рассекая всё мимоходом — на то дано —

конькобежное времечко, зенки его промой
талым снегом, пустой слезой, кислотой «Пино».

Выводи вопросов, на «а» припадая, блажь,
тискай пачку — ты куришь? — и не раскрой.

Был, была, сплыла — безнадёжно наш
и лирический, хоть не вполне герой.

Сок измены, раскрытый рот, заводной Пьеро.
В средостении клюква играет его хитро.

Разливается белая даль, и в глазах рябит.
И дымят постройки, как в детстве дымил карбид.

Для трезвянки щёки надрал тебе мороз.
Огоньки хихиканья, спазмы идут вразнос.

Одноразовые мелко дрожат в руках
под пластмассовым небом,
где слышно стояльцам, как

с мёрзлым яблоком в варежке, заревом в волосах
катит, катит, вонзая лезвия, аукается в лесах,

водоёмах, укрытых льдом. .. Голубеет пар,
разговор редет — продрог ходок,
пересверк пропал.

И разжаты пальцы у слушающих дерев.
И вороньим крышка видам на обогрев.

Помашу рукою — ладонь у глаз —
чтоб запомнить жест,
чтоб шагать как ляжет, покамест не надоест

оступаться, ёжиться — ртуть не ползёт к нулю —
до других погод по присному февралю.

* * *

В Москве-руке февраль дрожит,
облавою зажат.
Блуждает хмель, как Вечный жид,
А не какой-нибудь Рашид —
с ним запросто решат.

Ушат кромешных матюков
на шалую башку —
и был беспаспортный таков
среди проблесковых маяков.
Прощай, Бишкек-Баку!

Игрок разборок и афер
и трижды фигурант,
кочует хваткий Агасфер
по беспределу СССР,
запетого стократ.

И не поможет смена вех,
и вер, и городов.
Не хватит вечности на всех —
кровь не стихает как на грех
и небосвод бордов.

На дне любви, на склоне дня —
ни грамма барыша.
Одна сплошная западня,
одна по пазику родня,
затравка-анаша.

Несёт машину вкривь и вкось.
Шофёр под ноль обрит.
Поёт как проклятая ось,
и у водилы вся насквозь
душа огнём горит.

* * *

Ледок изъеденный крошится,
гуляет в горле холодок.
Ещё чуток и всё решится.
И передумает едок

больного воздуха предместий
довольствоваться февралём.
И потому — вперёд и с песней
во весь рискованный объём

хотения плеснуть до риски
и эхнуть вслед под опрокид,
вспомнать, как идут ириски
с ладошек тутошних киприд,

как оприходуют товарки
подарки сумрачной судьбы
в каком-нибудь бедовом парке,
победно пялясь на столбы

и груды щебня, где траншея,
эстрада, разорённый тир —
перед объятъем хорошея
при ранней встрече двух светил,

при молодом загустеваньи
по холодку и спрохвала
теней на вылинялой ткани
плаката про подъём села...

И будет исподволь смеркаться,
и станет слаще остывать,
смеяться, ёжиться, сморкаться
и тосковать, и тостовать,

касаясь вскользь того, что ныне
наш хлеб из той же ржавой ржи,
но славно нежить в горловине
сухие спазмы, коль свежи

предположенья раствориться
в том, что заварится вот-вот
во исцеленье очевидца
агрономических невзгод.

* * *

Лучше выращивай кактусы, каланхоэ,
фикусы, флоксы, всяческие бамбуки.
Переходи, душа моя, на сухое
для изучения дома сельхознауки.

Не разумеешь разницы между астрой
и цикламеном в малоцветочном быте?
Но ведь зато научишься быть бесстрастной
и всепрощающей — что уж теперь — живите.

Я ведь и сам не гурман по разряду флоры —
только по части, разве, спиртных диковин.
Не забывай, что в жизни важны повторы.
Если они случаются — я спокоен.

Утром поливка, на ночь стаканчик «Кьянти».
Что ещё нужно душе на помин былого?
Не возражай, я тоже настроен анти-
агроцентрично — а вот попомни слово.

Да и курить средь стеблей грешно сверх меры,
припоминать разборки, итожить счёты —
есть же достойные следования примеры —
благочестивы, бестии, до икоты.

Ты различать приладишься честь по чести
с полоборота гортензию от герани.
И со спокойной совестью снова вместе,
будешь бесчинства видеть лишь на экране.

И выступать из ванной ты станешь павой,
чтоб учинить поверку горшков и плошек,
и над картинкой жареной и кровавой
будут сиять герань и халат в горошек.

SILENTIUM

За маму, за папу, за деда пихто
пить пятничный воздух, напялив пальто,
тупить, пустоту принимая —
дорога прямая.

Под пасмурным, позднефевральским, стальным
на зависть воронам и всем остальным
для звука немеренно пищи
в его безразмерном жилище.

И если внезапное прянет ау,
то проще простого уйти наяву
в словарное краткое эхо,
как в изморось — вежа.

За брата по голосу и за сестру
стареть до субботы, курить на ветру,
верстая к воскресной надежде
умолкшее прежде.

* * *

Как ни покушается ветер-снежок
без удержу атаковать ходока,
но холодной на гортани ожог
не предполагает, что речь коротка.
С какого испуга немая зима
словарные опорожнит закрома?

Куда это в ночь по снежку пешеход,
и всё ему, позднему, до или по —
и хор аонид, и ватага невзгод,
и зверских кровей нутряное депо?
Кусается память, шалит лексикон
и ненормативщина прёт косяком.

И не потому ли сбоит снегопад,
что бытоотступник не знает пути —
хоть словоохотлив, и горлом сипат,
и не заморочен сидеть взаперти?
Но то, что держало его на корню,
всё более напоминает херню.

А что за погоды кругом — охреть!
Ему и шагается точно во сне —
как будто годится последняя треть
лишь на путешествие к местной весне.
Но перемешались теперь времена,
и не различить в темноте ни хрена.

Какая сирень разцветает в башке,
кромешные соки по жилам снуют!
Поди развернись на сухом корешке,
встая в безвременье и неуют...
Подруга-округа как сажа бела,
и неописуем глоток из горла.

И вот она, ситцевый, лярва-весна,
да незачем озорнику говорить —
и сердце мало, и досада тесна,
и в шалом огне ариаднова нить...
Но зверь отворяет сипатую пасть,
чтоб с прошлым уже ни за что не совпасть.

ЦАРСТВО ЖИВЫХ

* * *

Является март в отдалённый район,
дымится фольга теплотрассы.
К последнему выхлопу приговорён,
свои не сдаёт прибабасы
игривый морозец, привязчивый хмель
игушедших под трубопроводы земель.

Панельный удел, шлакоблочный уют
да зависть бомжам и бомжихам
до судного дня отоспаться дают
в запаянном логове тихом.
И снятся с устатку сума и тюрьма,
сводящие в общую зиму с ума.

Стучится в стекло, но не может сюда
сквозь мгу и мороку пробиться
грядущего дня дождевая вода,
забвения редкая птица.
И в банке прозрачной невзрачного сна
живьём заспиртована эта весна.

Улыбчивой жизни чудной экспонат
стоит в головах для острастки.
Одними тире между цифрами дат
кончаются глупые сказки.
Но тёмная кровь, уходя по трубе,
теплом утоляет печаль о тебе.

* * *

Смазливый день раскинет створки,
и обольстительно сверкнут
остроколенные пригорки
и жерла рухнувших запруд.

И ожидания накала
набухшей соками травы
уже решительно немало
для окаянной головы.

В затонах слизи и боязни
мерцают радости язи.
Сомнений трепетные казни
теперь совсем уже вблизи.

Лучи пронзают ил и глину,
и пламенеющий раствор
уже в крови наполовину —
и с прошлым кончен разговор.

* * *

Небо упало на город — и вот
в детскую комнату новый привод.

Лужи втянули в себя облака.
Дата и подпись, что в курсе УК.

Где воробьиная куча мала,
белыми нитками шиты дела.

И дыроколом пробита до дна,
синяя высь под ногами видна.

Это апрель. Это старый район.
Серая наледь советских времён.

Белое облако. Детская спесь.
Бланк протокола закончился весь.

Дата и подпись. Теперь навсегда —
синяя, полная небом вода.

Зыбкий околыш в проточной воде.
Это потом — никогда и нигде.

Но участковый окрестных небес
шествует времени наперерез.

И продолжает во сне протокол:
время — ничто, если дело — глагол.

* * *

по-над потерями значений
и неигранием ролей
перегорают свет вечерний
и ночь проводит параллель

с успенской тьмой убытком зренья
утратой тела и ума
значений сохлые коренья
скрывает сохнущая тьма

и веток перистая стая
полна игрою ролевой
из ниоткуда вырастая
над беспросветной головой

мой милый мрак незрячий посох
перемещенье в никуда
в очах невидящих раскосых
слепая теплится звезда

и нет как нет того что было
в небесный впериваясь ил
не различаешь в недрах ила
места подсветок и светил

и есть как есть в сухом остатке
коренья ил незримый бог
смешны значенья взятки гладки
известны роли назубок

* * *

На Вербное, наверное, зайду.
Что вспомнить? Разве только ерунду.
Вчерашний день. Опавшую листву.
Да разве это было наяву?
А впрочем, так уж важно — что тогда,
когда теперь всё это — ерунда?

А может быть, на Пасху заверну?
Закружим, как бывало в старину,
по нашим закоулкам где-нибудь.
А впрочем, что за радость? Позабудь
заветренную мякоть кулича
и жирного апрельского грача.

Нет, видимо, попозже — на Илью.
Налью чуть-чуть и душу изолью,
хотя едва ли стоит объяснять
всё по порядку между «аз» и «ять».
И промолчать получится едва ль.
Ну, стало быть, железно — на январь.

Крещение? Нет. Наверное, потом.
Что за столом глаголить с полным ртом
о прелестях тепла и очага,
когда кругом заносы и пурга —
не высунуть и носа из дверей.
Чего нам ждать от этих январей,
пока не перебродят холода?

Послушай, а не лучше ли тогда,
когда на паперть кинется весна,
как смертница, что щедро прощена.

И будут оправдания лишены
прощения, как пращурь вины.

* * *

Снежок нечаянный пасхальный.
Переговоры ни о чём.
Твой ангел, гневный и нахальный,
за левым мечется плечом.

Чем ближе к ночи, тем кромешней
его предпраздничная прыть
категоричностью нездешней
с плеча без устали рубить.

И накануне воскресенья,
негодования полна,
в честь вероятного спасенья
восходит юная луна.

Её презрительной подсветкой
курносый профиль окаймлён,
с прищуром злым, с усмешкой едкой,
с неустойчивостью гулён.

Чуть не по-ангельски летучи,
черны лукавые черты —
всё помрачения да тучи,
а свет сквозит из темноты.

И если всё, что накануне
впотьмах катилось кувырком,
предстанет светом, канет втуне —
о чём ты нынче и о ком?

* * *

Что за манера кричать во сне,
тряпки выкидывать по весне,
по бездорожью шататься всласть,
взять и до осени запропасть?
Вдруг объявиться, затеять пир,
пасть на кушетку без задних ног.
старые сны засмотреть до дыр.
И не отчаяться, видит бог.
Шарит луна по твоим лесам,
блики крадутся по волосам.
И занимается над тобой
пламень забвения, невесом.
Прежние люди идут гурьбой ,
переполняют собою сон ,
всё норовят отворить сезам —
всё по глазам прочитав как есть —
бомж, негодяй, утешитель вдов.
Только куда им такая честь.
Сочен рассвет и почти бордов.
Ты неумытая наяву.
Ставить ли пришлое во главу
снятого за гроши угла?
Я здесь работаю и живу.
Скоро рассеется эта мгла.

* * *

Покурить выходишь — весна весной —
вся земля дремучая на плаву.
И резвится в лужах народ честной,
окунаясь в первую синеву.

Над пельменной в полублатном дымке
вьются ангелы, мёртвые восстают.
И плывут метафоры налегке
сквозь родной до одури неуют.

Где от перца глотка горит огнём
и не вхожа водка без рифмы в кровь —
незатейливой — например, «о нём» —
и не слишком свежей — к примеру, «вновь» —

об огне по новой идёт базар,
что сжигает хроников изнутри —
то ли адский жар, то ли божий дар —
понимай как знаешь — но знай гори,

истерии по поводу куража,
по названью сохни, строфу держи.
И лихое счастье не ешь с ножа,
пустотой коверкая падежи.

Пусть нездешний ластится холодок
к нутряному пламени втихаря,
в магазин наладившийся ходок
сто пудов не сделает крюк зазря.

Не свернёт на глупости разговор —
есть на что угробить труды и дни —
аонид окрестных нестройный хор,
откровений бешеные огни.

Не умрёт отеческий общепит —
пусть биточки скиснут и шницеля —
если будет жив хоть один пиит,
где на честном слове стоит земля.

Пусть вчерашний кончится винегрет
и сметана высохнет в пух и прах...
Ничему на свете названья нет —
всё словарный дым на семи ветрах.

* * *

Клеймён ленцой позднесоветской
районный прежде городочек —
звонком, рассылкой, эсэмэской
среди рытвин тешится и кочек.

Перекаляется мобильный,
переполняется гранёный.
Одoleвает мрак могильный —
околевает сброд районный.

И в никуда частят гудочки —
ведь все доподлинно на связи.
Ползут снега, чернеют почки,
цветы случаются из грязи.

И по оврагам, по пригоркам
не умолкают позывные —
сигналам в воздухе прогорклом
тесны значения земные.

И заводской пронзая остов —
жестянка-жизнь вокруг другая —
гуляют волны вдоль погоста,
ничьих ушей не достигая.

И словно пальцами ничьими
какой-то общий набран номер,
и в телефонной книжке имя
одно на всех, кто жив и помер.

* * *

Это всего ничего — до завершения жизни —
перетасовка сладости и боязни,
вычетов торжество, излишек счетов к отчизне,
дальних расчётов блажь и огонь в соблазне.

В невозмутимой радуге пятилеток
призрачных счастлих присные наважденья.
Общая страсть стараться и так, и этак,
в пыль обращаясь тварного дорожденья.

Соком стоять в корнях, стыть коркою ледяною,
под башмаком вождя
течь трещиной в постаменте,
на шелудивое время идти войною...
Это совсем ненадолго — до окончанья смерти.

* * *

Снег по апрелю и маю.
Лета не будет у нас.
Только одно понимаю —
этот запомнится раз.

Частые эти налёты
в дальний район до утра.
Не загружайся — ну что ты —
с чувством глядеть во вчера.

Словно в стеклянную колбу
заключены времена —
благо резвиться глаголу
в отблеске склянки сполна.

Силиться в область цветений
выбраться через стекло.
Снежные вихри и тени —
эко к весне занесло.

Ломкая наледь сезона.
Злой климатический бред.
Блазнится солнце спросонок —
скоро сто лет как в обед.

Вот обурела природа
сны и значенья плести —
год беспощадней от года
ветер сквозит до кости.

* * *

Град срывает крышу, крушит чердак,
разрывает прошлое на куски.
Потому как скрепам цена — пятак:
в щепки, в щепки — тело любой доски.

Душу камня — в прожитое ничто
огневым напором гремучих льдин.
И на дне беды, запахнув пальто,
осушая память, стоишь один.

Гром грохочет, прячет в раскатах смех
над простым намереньем жить в дому,
без небесных замыслов и помех
быть себе строителем одному.

* * *

Ступая засветло на мокрый
асфальт разлуки с головой,
переберёшь кармина с охрой —
ночной микстуры мозговой.

И панорама дождевая
в огнях забвенья по канве
пройдёт насквозь, не задевая
того, что дышит в голове.

Сойдя с ума в ненастье речи,
сосредоточишься всерьёз
на том, что стало много легче
слова отсеивать от слёз.

И проще — охру от кармина,
и слаще — правду от суда,
когда, безумием хранима,
грохочет ярая вода.

* * *

Мартовский дождь умножает печали —
нужно вычёркивать из записной...
Присно весна наступает в Аиде,
но в своём победительном виде —
в мареве сумрачном, в робком начале...
В царстве живых пробирает весной.

* * *

Свет занимается дальний,
блики снуют по стеклу.
Чёрный и пирамидальный
тополь уходит во мглу.

Розные и золотые
блёстки скользят в никуда —
как по строкам запятые,
словно слова — ерунда,

словно крошечная ересь —
всё, что темнеет в окне,
и в сотворённом изверяясь,
бог маякует извне.

Словно залог продолженья —
суть не слова и дела,
а световые скольженья,
окон ночных зеркала,

лёгкий наклон тополиный,
длинная тень до угла,
над чернозёмом и глиной
полурассветная мгла,

дрожь ожиданья, испуга
лиственный шум угловой,
трассы небесного круга
над колготной головой.

ВОРОНКА ВРЕМЕНИ

* * *

Повелевающий оспою и чумой,
переводящий стрелки на мор и глад,
якобы призывает идти домой,
петь о хорошем и не смотреть назад.

В точности это не подтвердит никто,
сызнава явь дана через не хочу —
пик лихорадки, выжженное плато
и некролог бессчётному первачу.

Некто, передвигающий берега,
нечто в ничто сворачивающий оплечь,
постановляет, что песенка недолга,
если о прежней сутолоке в ней речь.

Что ж по балконам выстроились певцы
и по дворам оркестры берут своё,
брызгами майской пригородной пылицы
береговое радуя вороньё?

Кто же, воронку времени замутив,
лезет в объятия именно той реки,
что шебуршит на старый дурной мотив
всей какофонии опыта вопреки?

Он растворяется, он претворяет бред
температуриящих в обморок волновой...
Вот и его как будто на свете нет —
только вода и небо над головой.

Но если всё же браво шагать по дну,
русло впотьмах угадывая едва —
звук на такую зарится глубину,
что уходящему и ни к чему слова.

ВЕСНА

Где день и ночь тупило ПТУ,
пылал апрель. И было потому
прикольно всякой шушере назло
горланить в трубку бравое «алло».

А следом — всякой всячины вагон
(чушковый профиль, помнится — ж.д.)
Вовсю перекалялся телефон
на привокзальной истовой жаре.

Ах, этот вешний бешеный припёк!
«Агдам» с «Далляром» в горле поперёк.
Восторги пэтэушницы в трубе
назло всеобщей классовой борьбе.

И как прослойка я гнилил сполна,
сулил составы страсти и вина.
И с железнодорожной простотой
гудел и гнал, и дым пускал густой.

Вилась у автомата шантрапа.
Дымились чебуреки и шурпа.
Был на столбах раскачиваться рад
в счастливый путь зовущий транспарант.

И остановка ближняя была
общагою, где сразу из горла
железной вахты виделось сквозь дым,
что здесь везде дорога молодым.

И ни за что казённое старьё
не помешает сходу взять своё,
и отбывая далее ползком,
твердить «до завтра» честным голоском.

Чтоб у стажёрок в ближнем ПТП
задался май. И было на тропе
к закуской прикольно отхлебнуть
чуток портвейна. И в счастливый путь!

ЛИПЕЦК

Моя луна над Нижним парком.
Все кореша навеселе.
И в сарафанчике неярком
ты круче прочих на земле.

Фонарь — второй луной на небе.
Луна братве до фонаря.
И только мне в пустой потребе
не скучно пялиться зазря.

Цветы мерцают сарафана
от ослепительной луны.
И город зыбкого ограна
вверху храпит и видит сны.

Тюльпаны колера портвейна —
тогдашней моды торжество —
луна хранит благоговейно,
сама не зная для чего.

* * *

Шум в Первомайском драного шапито
перекрывает ропот широких крон.
Пуля за пулей идёт в молоко, в ничто,
шатким животным не нанося урон.

Пенятся листья как пиво окрест ларька,
лезут по форточкам ближних к нему квартир.
Жизнь студиязуса, как ни крути, горька —
разве что цирк, шалманчик да старый тир.

Сад оголтелых, но колдовских причуд,
майских претензий выдюжить диамат —
там лишь хвостисту истому по плечу
определить, в чём соль и кто виноват.

Впрочем, ему и прочее нипочём —
всё веселуха перцу, всё до и по —
даром, что предки поедом — стань врачом.
Или завидней гайки крутить в депо?

Чопорный Гегель, яростный Фейербах
машут Асклепию из-за своих словес,
чтобы гороховый нежился на бобах
шут с чумовой воздушкой наперевес.

Чтобы кабан по проволоке скользил,
чтобы ковёрный пьяную тёр слезу,
чтоб и впустую не убывало сил
вышнему шуму радоваться внизу.

* * *

печать печальников громила
для форсу и проформы для
и тусовались у кормила
ушами чутко шевеля

и чем смешней тем было хуже
и все в округе только за
призыв спасите наши уши
а также глотки и глаза

но шило-мыло волны шума
и на исходе редких сил
редактор вздрагивал угрюмо
и стопку к пасти подносил

печаль молчальников долбала
мочаля чуткие сердца
и ежегодно было мало
народу хлопка и сырца

и чем смурней тем было ближе
ушами хлопать в никуда
вострить засиженные лыжи
желать всеобщего суда

и поднимаясь ежечасно
из-за накрытого стола
дурить что всё кругом напрасно
дуреть от водки и тепла

печаль печатников душила
но в духоте дурной души
лишь мыло прошлое да шило
одни навеки барыши

* * *

Девки в цветастых масках, кусты сирени —
май не товарищ общему запустенью
в отчем краю, где вывески посерели
и по шалманам Бахус влачится тенью.

Глупый Эрот, притихший как вор на деле,
грохнуть готов рачительного Гефеста,
даром что полные теленевзгод недели
для обольщения не оставляют места.

Но зажигают истовые потуги
на круговые выходки чумовые...
Добрые люди, злые друзья-подруги,
вам ли с ума нацеливаться впервые?

Пепельный Феникс в тесном венце ковида
машет крылом неведающим гулякам.
В недрах Аида ждёт на судьбу обида —
вот и становится солнце хорошим знаком.

Стол на двоих, по-гречески баклажаны.
Всюду цветы, вернее сказать — цветочки...
Воздухом встреч богаты кусты державы,
и потому дано не дойти до точки.

Ты говоришь, трагедия положений,
чувство и долг — античная подоплёка,
где перебор по линии поражений,
да и сюжет прописан куда как плохо.

И остаётся кланяться Телемаху
на полпути домой по его примеру...
Нежит сирень пощёчинами с размаху
за легковерье и роковую веру.

* * *

Бусины пота на шее горят —
неженка входит во вкус.
Жизнь — это мёртвый кагоровый яд,
рваная нитка от бус.

Бешеный шёпот за совесть и страх:
ну же — ещё и ещё!..
Не отдышаться на первых порах,
но навсегда горячо.

Так, что несчастный дарёный тюльпан
из магазина «Цветы»
на простыню как подкошенный пал
с бог весть какой высоты.

Смерть — это талый фруктовый десерт
после того, что стряслось
с крайней из ряда чумных непогод,
вкривь норвящих и вкось.

Это — до зеркала, наискосок —
бусы составить с утра.
Ноет под ложечкой, точит висок —
определяться пора.

Белый, лиловый, потом золотой —
так оно было ли до?
Подлое качество, полный отстой.
Может, остатки со льдом?

Про позолоту — не верь никому —
лишь на живую нижи
солнечный обморок, потную тьму,
ужас рассветной межи.

* * *

Он сигаретные пачки мнёт,
мачо себя безутешно мнит.
Но избегает смотреть вперёд,
будто для глаз — позади магнит.
Будто вчерашний не тает снег,
дрожь обожания — навсегда,
женский воистину вечен смех —
и никакого на то труда.
И не плошает натужный шик —
просесть мастит дорогой парфюм.
Всё он уладит, сведёт, решит —
план обольщенья пронижет ум.
Чтоб не грозила теперь и впредь
весть об отмене его времён,
он собирается умереть,
пламенем молодости спалён,
или в окрестностях пустоты
жить на разрыв заскорuzлых жил —
клятвы и яростные цветы
он у бессмертия одолжил.

* * *

Нас веселила сила ветра —
ныряли яблоня и верба
в его предмайскую волну —
хоть и угадывалось верно,
что саду следовать ко дну.

От наливной древесной стали
сквозь время ветви прорастали,
и стыла робкая листва.
И мы прикидывали — та ли,
что и в безвременье жива

Садилась пена дождевая,
до верных слов не доживая,
и без усилия со дна
была вся божья душевая
до сит отчётливо видна.

Нам открывалось их устройство
и вишни вымокшей геройство,
и вышней страсти правота.
И было нам куда как просто
принять, что истина проста.

Как наши зряшные уроки,
как жизнью выжатые сроки,
листвы юннатовской вода —
шум легкомысленной мороки,
ушедшей в землю без труда.

* * *

День на день не приходится больше.
Ночь за ночью не спится сполна.
Переводчица родом из Польши.
Пикировка на все времена.

Речи про посполитские войны.
Плечи шляхетской лепки вблизи.
Пани Мнительность, будьте спокойны —
всё с контекстом у нас на мази.

Этой книги сквозная интрига
точно бранного поля трава —
по краям чужеземного ига
без разбору бушуют слова.

И под утро — не конны, а пеши —
стынут тени на стенах времён.
Из издательства злые депеши
добираются в дальний район.

Но покуда запястье горячки
цепенеет в кацапской горсти,
ни в цветочной, ни в белой горячке
и дыханья не перевести.

* * *

И век забыт, и год неважен,
где водка выпита навзрыд
за синеву оконных скважин
и благодушие аонид.

Эфир преданьями запружен,
шустра бегущая строка...
И робок свет, и пресен ужин
уже который день сурка.

И заштрихован карантинном,
пылится лист календаря
назло морфеевым картинам,
где горы прячутся в моря.

И разливается истома,
и даль отчётливо видна,
и привезённого из дома
в достатке хлебного вина...

Но достоянье домоседа —
экран и кровь сердечных ран,
ночная скайпова беседа
под патронажем жарких стран.

О том, чем полнятся бокалы
по кухням бреда и беды
и что за сказочные скалы
вдали торчат из-под воды.

И отчего похмелье жутко
и люта жажда рубежа
межвременного промежутка,
где чудом теплится душа.

И май широк, и мир кромешен,
и сушь нещадная во рту...
Лишь ветки вишен и черешен
расцветчивают пустоту.

Её неразличимый купол
над повреждением времён
недоумением окутан
и словоблудьем окаймлён.

Но аонид слепое пенье
сквозь тьму, плывущую в окно,
вином затвора и терпенья
до дна приветствовать дано.

* * *

Как ни горяч ночной Арей
пространства множить именные,
день поджидает у дверей
и в дали целится иные.

Его прицел объемлет враз
моря, предгорья и пустыни
без искажений и прикрас,
преобладающих доныне.

Вольготно прелести и лжи
за гранью зрения таиться,
и световые рубежи —
одна отрада очевидца.

Что за божественная блажь —
канун оптического чуда,
когда всеобщий раскарадаш
восходит в плоть из ниоткуда!

Пусть всё идёт не по уму —
ничем не вылечит Асклепий
ни этот свет, ни эту тьму
от их сквозных великолепий.

РАЗМЕРЫ БЕДСТВИЯ

* * *

Утро приходит сквозь птичью речь
к частым штакетникам здешних дач
радость привадить, беду навлечь
и ничего не решить хоть плачь.

И у подбрюшья июньских туч
тутошний тает в листве Морфей,
радостен и на беду летуч,
вкрадчивых и шебутных кровей.

Щебет во мгле, тополиный пух.
Не умирай — выбирай из двух
необоримых окрестных зол —
сон ни о чём и скупой подзол.

Ересь и сизая кровь с утра,
многоголосие из вчера.
Птичье летучее молоко —
чтобы во сне умирать легко.

Белая, в пенках его, листва.
В воздухе не различить слова.
Кровь сочетается с молоком.
Просто — и пьётся одним глотком.

* * *

Ужин дачный на участке у межи.
Светляки, клубника, рассказы, ежи.

Тени лиственной стирающийся край.
В города перед компотом поиграй.

Поплывут средь порыжевших низких крыш
Прага, Вена, Филадельфия, Париж

к неисправной водокачке в сосняке,
к запоздавшей электричке за мостом.
Пух по ветру, паутина по щеке,
свет по веткам в угасании косом.

И под дедовское чтение газет
от каникул и ещё один денёк
отступает за веранду, за клозет
и в костровый превращается дымок.

Мировые точит зубы капитал.
Власть военщина ослушников щемит.
Тот борзел, тот напряжённость нагнетал,
потому как проститутка и наймит.

Как дымит, как изгаляется сушняк
пеплом высветлить темнеющий июнь.
Усмань, Масловка, Маклок, Коротояк.
Покатай во рту согласные да сплюнь.

Сырость ранняя с подростковым душком.
Это облако садится на сады.
Сделай улицы заросшие пешком
от крылечка до протухшей до воды,

до сторожки, да смотри не забывай
дальных весей, мнимых далее имена,
чтобы будущий баян или абай
сбацал песню про такие времена,

где обрывки подростковой болтовни
выдавали карту завтрашнего дня
и отеческие тщетные огни
нас от завтра берегли как от огня.

ВЫСТАВКА

А.К.

Над коллекцией лафитничков, бутылей, штофов
сплошь с тиснением, гербами да вензелями
снова вспыхивает и гаснет досужий шёпот,
воображенье публики походя воспаляя.

Это было в какие-то времена не наши —
переклички пробок, причуды пены, лихие спичи.
В нос швырялись карты,
опрастывались патронташи,
и над секундантами крики носились птичьи.

Или народник, балуясь монополькой,
кровь из носа требовал земского пересмотра,
отражался в склянке, выпуклой и неполной,
в меблированных яро встречая утро.

А ещё вариант — школяры и прочие раздолбаи,
листьями выпускными завешанные в июне,
из горла коллекционное родительское хлебали,
в обобществлённую ёмкость пуская слюни.

Что за глупые стеклодувы вывели эти виды
на боках и гранях нестойкого матерьяла?
Разлетались в осколки замыслы,
вдребезги шли обиды —
и смертей, и славы вновь становилось мало.

И выпадает по-новой тянуть чумовой напиток,
наблюдать, как свет раслаивается сквозь стенки,
чтобы свежей радуги вневременной избыток,
восполнял и тона столетий,
и собственных лет оттенки.

* * *

Прежде чем выдать, медлишь который раз —
будто избыток речи тебя слепит,
и на поверку свет состоит из фраз —
точно из ламп накаливания — софит.

Будто бы слово предполагает зал —
тёмный, с вознёй и кашлем, фольгой конфет —
и если всё по полной во тьму сказал —
там по любому грянет ответный свет.

Будто бы шёпот, ёрзания, смешки
от сотрясений все воздушных масс
пухом внезапным вспыхивать широки
до холодка по коже и слёз из глаз.

Смотришь в июнь и пристально говоришь:
«Вот и сезон заканчивается речей.
В кои-то годы преобладает тишь —
даром, что кровь всё гуще и горячей.

Даром, что сцена нынешняя мала —
зал непомерно ширится в никуда...
Публика всё в глазах прочитать могла,
только её не сыщешь уже следа».

* * *

Вот и вишен почти не осталось
в детской миске, где стерлась эмаль.
Не спеши, пораскушивай малость —
уж на что, а на это не жаль

в наползающих сумерках жизни,
допоздна шелестящей в саду.
Соком вымажись, мякотью брызни,
в темноту оступись на ходу.

Острый воздух разгара сезона
как дразнилка дрожит на губах.
Если помнишь: «Держи фармазона,
шито-крыто, бабах-карабах».

И бессмысленным счастьем пострела,
обожателя абракадабр —
черной ягоды спелое тело,
юной ночи нечаянный дар.

И по дну оголенному шаря,
на подушечки пальцев дыша,
улыбнется прощально и шало —
дескать, вишня была хороша,

пустяки, что не выдался случай
задержаться на этом пиру
с тёмной радостью, сладостью жгучей,
чутким сном в грозовую жару.

* * *

Летний свет на трещины тороват —
лёгкой тени зубчатые края
разрезают грянувший виноград,
и дробится гроздьев его струя.

На десятки брызг — раскардаш листвы,
шалых ягод, жил, кривизны лозы...
И размеры бедствия таковы,
что оно огромней любой слезы.

И восторг, и ужас бессильны там,
где разъятья света ветвится ток —
зной бушует, плещется птичий гам,
выкипает воздуха кипятток.

Прогорает день до глазного дна,
и живому будущему вину
вся изнанка ночи уже видна
грозовым размером во всю страну.

* * *

Гортань окропив алкоголем,
свободен — хоть смейся, хоть плачь —
идёшь пламенеющим полем
к воде от профкомовских дач.

Там плотно сидят итээры
и песни гуляют леском,
и солнце бликует без меры
в заходе своём колдовском.

Оно пробирает как водка
и душу до дна пепелит —
огонь со всего околотка
в глаза под завязку залит.

Полны отпускные скрижали
пожаром и свежей золой,
как будто труды приближали
мотивчик отвязный и злой.

И помнить — последнее дело,
что кровь выкипает сполна.
И август гудит оголтело,
и память сожженьем пьяна.

И в топке засиженной поймы
за пляску натруженных жил
плесни, отдыхающий, спой мне
ту песенку, что заслужил.

* * *

Берег отменно крут и почти скалист.
И точно щёлочь зла водяная взвесь —
падающий развоплощает лист,
ржавую сушу и огненный август весь.

Как тебя в глушь кромешную занесло?
Что за мотор до жизни такой домчал?
Страхи берут количеством, их число
и образует дряхлый пустой причал.

Это ведь надо выдумать — смех и грех —
пыль штормовую, ярый накал камней,
прежний расклад, разделанный под орех,
что был всего роскошнее и верней.

Это будто всегдашний невроз у крыс,
с очередного дующих корабля.
Как они истово с палубы смотрят вниз —
будто у самого борта уже земля!

Самое время определиться враз
с тем, что курочит очередной прибор.
Даром, надёжных слов невелик запас,
где остаётся прошлое за тобой.

Трюм корабельный, непреодолимый мир —
сытная тьма, настёрный моторный гуд,
ящики сладостей с россыпью частых дыр,
и короба наметившихся причуд.

Неутолимый зов заглянуть в ничто
и затопить суда неподсудных лет
в едкой жаре на самом краю плато,
где занимается развоплощенья свет.

Где осыпается рыжий откос в залив,
и сердцеед вырастает в худой настил,
вздорно гневлив и гневно нетерпелив,
словно никто его к осени не простил.

* * *

Он приговаривает: «Ерунда».
И расцветает над ним звезда,
зыбкая как вода.

«Всё, — сообщает он, — ничего.
За исключением одного —
страшно всего.

Зыбкой звезды в кочевой ночи.
Двери, где стопорятся ключи.
Сна, что ищи-свищи.

Право, причина не знаю где —
будто ключи глубоко в воде —
отблески их везде».

Звёздная пыль в никуда спешит,
словно течение судьбу решит.
Временем свет прошит.

Выйдешь во двор — и над крышей рябь.
Чёрным — под крышей его окно.
Перекури, воротник ослабь —
если решения не дано.

Побестолковься в пустых дворах,
чтоб рассмешил ширпотребный страх
вдрызг на семи ветрах.

И укротила вода свой бег
там, где гнездится подзвёздный смех.
И не грозит ночлег.

На ерунду не держи души —
что её без толку кантовать.
Вещи безвременья хороши:
лавка сподручнее, чем кровать.

* * *

На шифоньере шкипер с трубкой книзу —
морская спесь на гипсовых губах —
глядит, как голубь ходит по карнизу
и смотрит внутрь, осиливая страх.

Ему не слышно, как перед рассветом
бежит волна по чашечной воде,
и обитатель комнаты об этом
не упомянет в записях нигде.

Когда перо, разобранный и смирный,
он опускает на белесый лист,
не дышит соглядатай сувенирный
и стынет голубь, светел и когтист.

Им хороша трава морей и неба,
ночного света стебли и цветы.
Гонитель сна, едок другого хлеба,
примерный соплеменник нищеты

среди рядового мрака маракует,
мурыжит речь на краешке стола,
на воду дует, с ложечкой кукует
и, что на небе, смотрит, за дела.

Водоворот глотает воровато
придонный сахар праздности былой,
чтоб кровь голосового аппарата
вращалась как пластинка под иглой.

На ней гуденье раковин в глубинах,
сквозное эхо в россыпи пустот,
ночных, надмирных, водных, голубиных —
вибраций временной противоход.

* * *

Запомни загар на девчачьей руке,
мамашин браслет, воспаление Пирке,

асфальтовый зной, костоломный футбол,
любви телефонной ночной произвол,

на склонах осклизлые монастыри
с наскальным фольклором и вонью внутри.

Каштаны, летящие наземь. Шелка
красоток у сквера в разгар вечерка.

Заметь и легко пролистай, отложи.
На небе сменились теперь чертежи.

И ты, как жилец расстановки иной,
спокойно заварки хлебни ледяной.

Чтоб власть с воскресенья и до среды
дивиться на вкус заржавевшей воды,

чтоб медленной горечью этой во рту
купить за бесценок себе пустоту —

коробку, объём — и что хочешь клади —
хозяин и барин, коль сказ позади.

Он кончен, в нагрудный положен карман
тому, кто в предутренний входит туман.

И мышцы грудной пульсовая волна
в бумажную дрожь переходит сполна.

* * *

Воздух предместья его сгубил,
чёрная рябь реки.
Месяц румянится из глубин
разуму вопреки.

Нравится дурику странный час
перед сплошною тьмой.
Он забавляется всякий раз
и не шустрит домой.

Где-то у пристани заторчит
в сонме своих прорух —
точно кто сверху, многоочит,
высветлит всё вокруг.

Звёздные водоросли стоят
над головой глупца.
Позднего лета плавучий яд
зыблет черты лица.

И на глазном серебрятся дне
блики с другого дна,
где различимая не вполне
кровь тишины видна.

Стебли светил на её пути
местный пронзают ил —
точно пловец различил почти,
что за душой хранил.

* * *

Вечер пробирается по крышам,
занавески в окнах теребя.
В августе под небом тёмно-рыжим
сладко ожидание дождя.

На пороге нового ненастья
не взыщи за старые грехи —
в тишине окраинного счастья
помянуть былое не с руки.

Положи антоновки в тарелку,
чтоб молчанье наше перевозмочь.
Будем нынче слушать перестрелку
яблок, обрывающихся в ночь.

Лобовые частые удары.
Голубые молнии вдали.
Ах, какие тары-растабары
мы б с тобою за полночь вели!

Дабы миром всё срослось к рассвету
и не ныли битые бока
у плодов, тревожащих планету
мокрых трав и грязного песка.

Чтоб разряды прожитой тревоги
не дошли сквозь дождь и темноту.
Чтобы мы запомнились в итоге
на промытом временем свету.

* * *

Холодком по пригороду влеком,
проводит прожитую жару —
кровь шутя становится молоком
и створаживается к утру.

И до света за полночь распростёрт,
Млечный путь испытывает глупца
напряжением жил, натяжением хорд —
нет на путанике лица.

С молока на пухлых его губах,
что обсохло страшно сказать когда,
и слетело пламя во весь размах —
ослепительная беда.

И до нынешних ошалевших звёзд
выжжен воздух к осени ходака,
изловить судьбу за летучий хвост
промахнувшегося слегка.

Но в просохших жилах творожный мел
храбреца отбеливает почти,
что былую кровь отменить посмел
и во тьму войти.

УБОЙНАЯ МУЗЫКА

* * *

Вот и осень исподволь подошла,
на лотках закуска подешевела.
В обрамленьи выжатого тепла
кореша теснятся осоловело.

Точно тени зыблются кореша
за летучим маревом паутины —
сигаретка, лавка, стакан ерша —
в летнем отблеске до глотка едины.

Жизнь очнулась в призрачном сентябре —
только тени тянут свои сигарки.
Знамо дело, выигрыш по игре,
по блажной любви ошалевшей парки.

Только сушь бессовестная во рту
от смешенья лиц и смещенья чисел:
кто-то взял и разом подвёл черту —
до забвенья сбывшееся возвысил.

И оно пылает над головой
чистым спиртом яростного заката
за пустою лавкою угловой,
где ножом навек — имена и дата.

Но хороший спирт прогорает вмиг —
и ни дыма зрителям, и ни пепла.
И темно — как будто ватага их
от огня того навсегда ослепла.

* * *

И в Петергоф, и в Павловск заносила,
гнала в галоп сквозь парки и дворцы
сплошная блажь, нечаянная сила
глазной чумы и шалой зеленцы.

Лукавый пламень спутницы забытой
по перекрёсткам горя от ума
сквозной любовью, яростной обидой
ложился на картины и тома.

Чай-чифирёк, омлеты за копейки,
гостиниц полуночные ветра.
Свинцом безумья налитые веки
и дурнота под ложечкой с утра.

И сыпались из памяти ночлеги,
когда мелькали Зимний и Нева
в экскурсионном бешеном разбеге,
где пятки в кровь и кругом голова.

И вся в крови, история престола
грудину жгла и выжимала пот,
хотя и проще было бы простого
от лишних отбояриться забот.

Но жизнь вприпрыжку — жуткая отравка:
сезон сознаньем беден и бедов —
катиться влево, пялиться направо —
повсюду свет у кромки холодов.

И всё видны сквозь выходки нахалки
в гостеприимном мире без границ
пакет вина, бутылка минералки
и упаковка павловских яиц.

* * *

Всё пуще крапами да пятнами
сентябрь расходится по озеру,
сигналя листьями помятыми
отпускнику и стаду козьему.

В зоологической прострации
и ботаническом унынии
резвятся выцветшие грации
и выцветают дали синие.

Над шашлыками санаторскими,
телячьей нежности разливами,
лучей неяркими полосками
шутя становятся счастливыми.

Вперёд, радетели забвения,
родные сёстры умирания!
Позднеземное песнопение
притормозит потёмки ранние.

Пусть радость сбудется внебрачная,
пыльца осыплется цветочная.
Пусть осень зыблется прозрачная,
не сообщая время точное.

POST SCRIPTUM

Рисунок в линию косую
от бесконечного дождя
доныне всё не дорисую,
порой до точки доходя.
Кругом всё те же лужи, иже
полны несбывшихся небес —
но те сегодня много ближе
всему и вся в противовес.
Не на физических законах —
на разговорах о душе
замешан ропот закоренных
ветвей в ненастном кураже.

А дождь, постыл и монотонен,
линует воздух налегке,
покуда спит Сергей Матонин
в писательском особняке.
Ни суток временем, ни датой
не озабочен отставной
модельщик, штатный соглядатай
оказий с печенью больной.
Ах, эти мятые листочки,
стаканы липкие в пыли
и пересуды, что до точки
словесность напрочь довели!

На сером небе — ни прогала.
На серой писчей — ни строки.
Где власть поэтов напрягала,
легко напрягам вопреки —
любое слово невесомо
в своём значении любом.

Но тешит блажь следить бессонно,
к стеклу в ночи прильнувши лбом,
как над шестою частью суши —
ясней видны издалика —
перекочёвывают души
под кучевые облака.

* * *

Дробный пригород дремлет лицом к стене
леса вросшего в окаменевший ил,
до которого дождь по ночной стерне
прошумит в два счёта среди могил.

Он минует балку, жнивье, погост
и понижен стену добра и зла,
души мхов, лощин, корневых корост,
отмывая истоиво догола.

Ил залижет раны иных времён,
поплывут стволы под откос воды.
Круговым бессмертием окаймлён,
прах запрячет в топях свои следы.

Будут кроны страшно ходить во тьме
и чертить на воздухе письма
о суме, безумии и тюрьме
по окрестным весям слепого сна.

* * *

Ночь вырастает сразу — во весь размах
прожитой жизни с музыкой и огнями,
счастьем под кожей, лукавым теплом в домах,
вещими снами, подвигами по пьяне.

Вещи теряют контуры, крошатся в порошок,
пылью сплошную ложатся в глазные недра —
и в необъятный рушишься вещмешок,
выданный свыше на добрую память щедро.

И перегружен корпускулами пустот,
бывших кромешным адом, волшебным дымом,
на могучих плечах носителя длишь поход
по осенним весям своим незримым.

Там скудеют ветры, итожатся времена,
произрастает лёд из любви и страха.
И загляденьем обморочным полна,
перемерзает кровь со всего размаха.

* * *

Дальние блики следуют по пятам,
по мостовым пластаются гужевым.
Словно вчерашний воз и поныне там —
и не под силу тягловую живым.

Треплется ветер, трепетен и труслив,
про удила и дуги, про то, что здесь
мёртво копыта в прожитое вросли
и ни к чему рысацкая нынче спесь.

Конский вчерашний гонор, несметный груз
в тесном проулке давешнем за углом,
где кособочится, призрачен и кургуз,
медный сентябрь до сдачи в металлолом.

Сбруя листвы на шее сквозных времён
щедро бликует, яростно ест глаза —
из настоящего временно удалён,
пеший безумец пялится в небеса.

Это район под снос и на вынос мозг
так и толкают следовать вниз к реке,
где поджидает в инобережье мост
для безлошадных дуриков налегке.

Сами себе иноходцы и тягачи,
в русскоравнинном истовом кураже
рвутся из осени — только ищи-свищи...
И непонятно, где же они уже.

* * *

Рассохся к осени сарай —
косой в прогалах свет.
Вороний грай, сплоченья край,
подмога сигарет.
На бреши брешь, куренья блажь,
горение небес.
Везде и всюду раскардаш,
и времени в обрез
к морозам щели извести
и розное скрепить,
когда темно уже к шести
и дождь готов кропить.
А в будке сумрак и сквозняк,
и утварь кверху дном.
И не успеть уже никак,
и мысли об одном —
что как былое ни храни,
а скорая зима
разъять твои труды и дни
нагрянет в закрома.
И с топором за рукоять
среди сумерек и льдин
разъятью противостоять
ты выделен один.

* * *

Дурной мотор хрипит и воеет,
соляжкой харкает, сбоит.
Но если нас в кабине двое —
на том и свет оплечь стоит.

Осклизлой осени подарки —
одни бараки вдоль реки.
Но взгляд простуженной товарки
победен хвори вопреки.

По обе стороны — до неба
одна горелая стерня.
Но неминуема потреба
полёта прочь на склоне дня.

Чернеют баки и комбайны,
колхозом брошенные встарь.
Как ни крути — необычайны
края, где гибнет инвентарь.

Поёт и ноет колымага.
Фырчит и чванится движок.
Он в перебежках до сельмага
не всё горючее дожёт.

И помогает папироска
в кривой усмешке угадать
и блёстки стёршегося лоска,
и близкой ночи благодать.

Ежесезонной разрядки
поздnezастойные круги
перемещают сердце в пятки
ступившим жить не с той ноги.

Но что им пепельные пятна
по весям прежних лет и зим,
когда становится понятно,
что не закончится бензин.

* * *

Даже имя припомнишь не вдруг —
батарейки у памяти сели —
только голая линия рук
поперёк непрременной постели.

Ни порядка положенных слов,
ни событий живую простёжку...
Боже милостив, жребий суров —
всё скользит в темноту понемножку.

Чтоб оттуда давая понять
о присутствии в деле дальнейшем
щекотать, изгаляться, пенять,
за каким обезумевшим лешим

с обречённым, сошедшим почти
в никуда с освещённого круга,
баснословную дружбу вести
и завязываться так туго,

что и полуистлевшая нить,
на чумные попавшая пальцы,
провоцирует парку хранить
отпылавшие кольца и пальцы,

слишком острый излом локтевой
и неровный загар на предплечье,
и прожилку под ним — тетивой...
А другое — спросите полегче.

Ведь подсветка теперь такова,
что едва ль на оставшихся вольтах —
то, как руки суёт в рукава,
деловито выходит на воздух

и всю как большого спеца
об источнике тока пытается...
И ответственю в поте лица,
что и как на поверку питает.

* * *

Он перегружен жизнью свежей,
случайной музыкой в ночи
по-над огнями побережий,
где сны легки и горячи.

Толпой заполнен отпускною,
слабомоторный катерок
неимоверною ценою
морской доматывает срок.

Экскурсионное корыто —
перекорёженный металл —
суровой ржавчиной покрыто,
где дух безумия витал.

Но мчит судёнышко к причалам,
валяет чахлую волну.
И дело, в сущности, за малым —
не зарываться в глубину,

а бестолковиться над чащей
подводных жизней в никуда,
не оставляя тьмы звучащей,
когда всё прочее — вода.

* * *

Рядом с Герценым квасить неловко,
и для этого дела была
у ворот чумовая столовка —
прямо первая дверь от угла.

Там в углу исключительный столик
был от всяческих взглядов укрыт —
смейся после четвёртой до колик,
кайся после десятой навзрыд.

И к тому ж кошельку пустомели
небольшой наносили урон
с беспощадной подливкой тефтели
и руины сырых макарон.

И кромешная сушь винегрета,
и компота дремучая муть
вопреки аппетитам запрета
помогали судьбу обмануть.

Нарушенье законов и правил
перцем радости жгло пищевод,
чтобы Хронос похмельем приправил
заводную эпоху невзгод.

Обещаний невзрачные вехи
спрятал в кухонный дым сигарет,
выдал выпускнику на орехи
дармовой общепитовский бред.

Чтоб кололись скорлупки да ядра —
сокрушительной жизни тщета,
где от прелести прежнего яда
не осталось уже ни черта.

И какого неведомо чёрта
там, где лоха щадила беда,
нынче клуб под названием «Форте»
и лабает Козлов иногда.

И считается славной манера
сытым джазом травить на убой,
чтоб ореховый тон интерьера
рифмовался с облезлой судьбой

там, где Герцен подзуживал сдуру
под убойную музыку сфер
эмигрировать в литературу
из гранёного СССР.

* * *

Она говорила «спасибо»
по делу, без дела — всегда.
И делала это красиво,
заманчиво — просто беда.

Дразнили бедовые очи —
такой от природы покрой.
И вся благодарность, короче,
казалась игрушкой порой.

Издёвкой, дразнилкой, насмешкой,
крепчающей день ото дня —
орлом ли уляжется, решкой —
а ты не забудешь меня.

Ни денег она не просила,
ни краткого счастья взаймы —
искрилась летучая сила
на иглах ресничной каймы.

И то ль подозрение грело,
что это и впрямь не прикол?..
Но спорилось страшное дело
прилаживать к жизни глагол.

* * *

Кто оседлал стихию, пьянствует втихаря.
Что его может вышибить из седла?
Жизнь улыбнулась — время ушло не зря.
А сожаленье — пагуба и зола.

День размывается, маревом становясь,
стенки стакана весело проходя —
контуров с явью не очевидна связь —
будто в разгаре бешеного дождя.

И наугад теснятся слова в строке,
радуя сердце призраком правоты,
точно вина вина, что шествует налегке,
с брызгами бездн беседующий на ты.

Песнею песнь неведения поправ,
он притворяет вежды и ждёт зимы,
богу любезен и бесповоротно прав,
что ни тюрьмы не кличет и ни сумы.

Волны веселья песенника несут —
будто в награду за умноженье черт —
на пустыри побед, на нестрашный суд,
где до речей не скатится интроверт.

Станет молчать, а вода оплечь — каменеть
и серебриться время по стенкам льда,
дабы по мере слёз отзываться впредь,
если случатся слёзы взамен суда.

* * *

Расставанья на отмелях сплава.
Утешенья бегущей строкой.
Полнозвучий никчёмная слава.
Небожителей чуткий покой.

Там, где облако, озеро, башня —
нынче пагуба да колгота.
Гулевые наплывы бесстрашья.
Суетливые тени стыда.

Славословья, плывущие мимо.
Послесловья о зле и добре.
Что по этой воде выполнимо
без купанья в шальной мишуре?

Лишь бэушного сердца приветы
да подвядшего перца понты
ради плясок по берегу Леты
от кромешной хранят пустоты.

И лукавое пламя удачи
из пучины сквозит напрямик,
чтобы распоряжался иначе
прежним руслом подводный язык.

Чтобы мокрое время горело,
выжигало постыдное дно,
где словарное тесное тело
на потребу теченью дано.

* * *

Средь бульварных грачей,
переминующихся терпеливо,
перекинешся «Ну как ты?» на встречных курсах
с подгулявшим приятелем,
глотателем жизни, либо
позавчерашней женщиной, всюю тебя окурю.

Время слишком проходит,
чтоб сваливать, как в прорву,
на него окончанья счастья,
выстреливающие седины,
потому как в том мало правды и нету проку —
повелевают внекалендарные призраки, несудимы.

Всё срастётся, если отыщешь общий
без костей язык с тенями, стенами света,
чистотой чернил, закромами нездешней мощи —
лишь глаза прикрой — и приснится тебе всё это.

Только в том ли сне светит выгода и услада?
Видно, чище вина разъятий
и прелесть несовпадений,
будто сад горячо цветёт, а виновник стоит у сада
и глядеть не рад, но и глаз никуда не денет.

* * *

Клёнов оголтелая риторика,
клёкот голубиных площадей —
слабая затравка для историка,
что сиюминутному злодей.

Брешь в оборонительной истерике,
частная прогулка в никуда —
это не открытие Америки
и неинтересная беда.

Сны Эллады, блики Адриатики
Клио не под силу сохранить —
ниоткуда детские солдатики
тянут полупризрачную нить.

Малоутешительные новости
не собьют ветра с косых орбит —
Ариадна, жрица пустяковости,
о переходящем не скорбит.

Лишь одни непрошенные частности
застревают в горле хоть убей —
клёны словно голуби в опасности,
небо безымянных голубей.

* * *

Чёрный день до белой горячки прожит.
И жильцов уютжит, ведёт, корёжит.
А в зрачках торчит гробовой Хичкок,
грузен, стар и лукавоок.

Прямо в душу смотрит, нечистоплотен.
Что за прок от его чумовых полотен —
здесь своим угрёбищам несть числа —
блекнет классик жуткого ремесла.

Здесь они чешуйчатые, злы, летучи.
Наполняют сны, прободают тучи
по краям короткого забвения
облысевших мальчиков для бития.

Эти зрители всей гулевой эпохи
на её излёте куда как плохи —
и мотор бастует, и глаз в слезе,
и на прежней фиги цветут стезе.

Неземной цветок в плотоядной пасти —
дышит Хронос гарью, шампанским «Асти»,
и холодным потом всю разит
от вонзивших зенки в его транзит.

Закурить бы «Данхилл» и честь по чести,
как глотали жизнь в этом гиблом месте
с иностранным флёром заснять кино —
будто плёнка с памятью заодно.

Но кружатся ящеры, ржут химеры
в раскадровке счастья вчерашней эры.
Прянь в загранку, вены ли отвори —
стеклотара высохла изнутри.

* * *

Где сумерки загустевали,
листвы туманилась кайма,
мы всё сидели-гостевали,
почти что выжив из ума.

Забыв о выморочном счастье,
стареть с листвою заодно,
не допивали в одночасье
своё последнее вино.

Оно стояло — душу грело,
покуда зрели холода
и в небе лиственном горела
позднеосенняя звезда.

Она пощадой не мешала
впотьмах ни сердцу, ни уму.
И мы оглядывались шало
на окружающую тьму.

Мерцало присное веселье,
метался холод по спине...
Не убывало наше зелье,
и звёзды множились на дне.

НОЯБРЬ

Яростный воздух утюжит гортань.
Странно в такую отчаливать рань.

Волны эфира за сизым окном
дрожью стекольной поют об одном:

всё это было, и будет, и бу..
С присвистом всё вылетает трубу

спорого меж берегов катерка —
всё судоходна былая река.

Резкие блики, летейская сталь.
Всё до обидного также как встарь.

Ток в никуда. Загрудинный наждак.
Не обессудь, если что-то не так.

Если сошлось продышать на стекле
реку в порезах и время во мгле.

БЕЛЫЕ МУХИ

* * *

Г. К.

Он пробовал прозой. Но проза вредна —
для певчего сердца обуза одна.

И в рифму старался как в оные дни.
А всё перепевы случались одни.

В разборки залез, опускаясь на дно.
Попутал же бес — окаянство одно.

Окстился, остыл. распластался на дне —
теченье оплечь для него не в цене.

Лишь ангелов сквозь пресноводную грязь
он кличет, своей немоты не стыдясь.

* * *

Теперь довыдумать сумеи-ка
позавчерашнее житьё.
И если жизнь, она, копейка,
усмешка, дальняя скамейка,
над голым парком вороньё —

нет утешенья и пощады
юнцу с бескостным языком.
О, эти гибельные взгляды!
О, эти приступы бравады!
Я с этим парнем незнаком.

Глубокой осени свеченьем
прошиты холод обложной,
ложбинный пах, портвейн с печеньем,
земля с небесным ополченьем,
прозрачный купол неземной.

Портвейн массандровский — не местный.
День завершается воскресный.
В озёрной ряби дерева.
И речь смеркается над бездной.
И смута в омуте жива.

Чернильных вод лещи и щуки
сполна обучены науке
затеплить звёздное зерно.
Но над лещинами разлуки
всё солнце блазнится одно.

* * *

Поделом тебе — кончились все припасы,
пчелы вымерли — в дуплах черно и глухо.
Жизнь отшибная, шпанские придамбасы —
волчьи ноги, собачий нюх да кабанье ухо.

Прозябанье зяблика, беличья суматоха,
страсть крота, червяка земляное зреньё —
кровь свернулась, выветрилась эпоха
слушать листья, перебирать коренья.

И уже пришла пора обернуться ветром
по угодыям прежних своих знакомых,
кожной дрожью, облаком безответным,
сном пернатых, прихотью насекомых,

ранним сполохом, воргуля волглым бликом,
слабым светом в тесных лесных прогалах,
чехардой теней в разнотравье диком,
чередой огней на заимках малых,

редкой искрою перескочить вживую
в круговой разбег поднебесных токов,
жизнь-обжорку, чушку сторожевую
подкупив плодами её уроков.

* * *

Сквозь разговоры о хорошем
всё безнадежней проступал,
ветвями сбоку огорожен,
ноябрьской роздыми опал.

И ветер жёг и в хвост, и в гриву,
последних листьев не щадя,
слезу-ольху, беднягу-иву
перед порывами дождя.

И средь продрогших сучьев голых
горячей речи вопреки
вода блестела на глаголах
поверх излучины реки.

Стремглав теченьем относила
все сочетанья честных слов
к морозам каверзная сила,
студёный жалуя улов.

Ведь лёгкий пар вблизи, где лица
дыханьем лишь разделены,
за поворотом не продлится —
в природе нет ему длины.

Он весь распят на ветках здешних
и пригвождён дождём к стволам,
чтоб согреть живых и грешных.
С грехом, конечно, пополам.

* * *

В. Ш.

на прежнюю пряжу надёжу
себе не запишешь в зачёт
сквозь полупрозрачную кожу
прозрачное время течёт

и ток пробегающий тенью
неверную кровь холодит
и воздух подобен растению
и тень по соцветьям летит

цветы колдовства и удачи
и парок спокойная злость
могло обернуться иначе
но именно этак пришлось

единственно так оказалось
озябнуть на здешнем ветру
и самая малая жалость
навечно забыть поутру

видений ночные громады
могучую радугу слёз
невытертый след от помады
и хвои венковый начёс

всю жизнь в заревом отпечатке
на сизом оконном стекле
небесную тень на сетчатке
чудесные блики во мгле

* * *

Крашенная барышня в авто.
Бешеная радуга в очах.
Скорость — всё. Сознание — ничто.
Есть педаль, баранка и рычаг.

Есть невроз, мигрень и аднексит.
И мороз по коже от удач.
И опасность в воздухе висит —
хоть гони неистово, хоть плачь.

От неё никак не убежать.
Хоть куда рычаг переключи —
пламенеют жуть и благодать —
не сгорает радуга в ночи.

Хоть куда баранку поверни —
впереди одна и та же ночь.
Но сигналият встречные огни:
понапрасну тачку не курочь.

Понапрасну душу не трави —
дорожает к осени бензин —
при бесценной к скорости любви
не оценишь новых лет и зим.

В нынешнюю канешь колею,
в темноте растаешь без труда...
Но «люблю, люблю, люблю, люблю»
шепчет вертихвостка в никуда.

* * *

Ноября обжигающий странный уют,
хоровые ветра до костей.
Где-то плачут и пьют, где-то носом клюют,
сон вольготней, скорлупка тесней.

Небо морщится, куклится в теле душа:
в самом деле, какой ей резон
задымлённую даль обживать не спеша,
игнорируя мёртвый сезон.

Лучше выдернуть лист да затеять чертёж
на полях разуменья глупца,
чтобы линия резала чище, чем нож,
злополучный клочок до конца.

В освещённой щербатою лампой углу
грифель, циркуль, иглу, транспортир
готовальня готова подбить на игру
незнакомый набрасывать мир.

Хорды, катеты, ромбы, косые углы
допоздна громоздит домосед
как спасенье своё от густеющей мглы,
как отмазку от завтрашних бед.

Будто в угле рисунке запрятался код
от иного порядка вещей,
запасного вместилища зряшных забот
на дорожках, где чахнет Кашей.

Как любимый конструктор мурьжит малыш,
формы пробует твой карандаш.
И шуршит как подпольная умная мышь
геометрия мук и пропаж.

Над настольным прообразом зимних пространств,
тихой прихотью зябкого дня
как в укромную тень погружается в транс
попечитель ночного огня.

И по комнате долгое ходит тепло,
сушит склянку раскрытых чернил.
Но ни слова черкнуть, ни поставить число
перед сном нет ни смысла, ни сил.

* * *

Если всё на свете принять в расчёт,
время дальше больше не потечёт.

Дальше больше — прямо сейчас и здесь
и оформится чёрный фокус весь.

Воплотится жизни чудной почин
в паутину следствий и тьму причин.

И кругом повиснет сплошная сеть,
норовя пожизненно провисеть.

И погаснут в частых ячейках те,
кто светился запросто в темноте.

Потому как всех всё равно не счесть,
чья искрила радость и грела честь.

И на каждый взгляд, и на всякий звук,
осторожный, не претендовал паук.

И расчислить выйдет ли, почему
выходило весело петь во тьму?

* * *

Увы, твои мальчишьи сходки,
пацанство, глупое кино.
Запасы вымысла и водки
вчистую кончились давно.

Перевелись — и бога ради —
всё глуше даль, наглее близь.
Перепились седые дяди
да и по норам разбрелись.

Бушует пагуба разъятая,
что ржавый ясень на ветру.
И если ясельные братья
проснутся завтра поутру,

припомнят дом и дым над крышей —
пустые сны, бывлые дни —
всё невесомей, горше, выше —
и там созвездия одни.

* * *

Разлетятся карпы и амуры
по рукам с фургонного торца,
почернеют прутья арматуры
в глубине базарного кольца.

Тут у рынка к вечеру маршруток —
что при жизни — счастья: днём с огнём...
И горит, замусорен и жуток,
до утра ларьковый окоём.

Там товаров заспанные ряхи
у пивных томятся стеллажей
и залётных перцев охи-ахи
залежалой воблы не свежей.

Поскорей бы пазик замаячил
и шофёр бабло пересчитал...
В темноте надрывнее и жальче
сквозь мотор гремит «Феличита».

Эта гонка, знамо, до могилы —
светофорный ярк изумруд.
Уточни, родная, у водилы,
что не перепутала маршрут.

Первый снег мелькнёт на повороте,
забликует пыльное стекло —
по всему прибыток будет тёте,
раз глаза слезой заволкло

и в наплывах дрёмы как в натуре
яро закуражились язи,
и забылось начисто по дури,
что зима совсем уже вблизи.

* * *

Пустяки, что сбудется зима —
снежная, надёжная, большая —
и взамен скупого урожая
холодом наполнит закрома.

Все хлеба уже испечены,
и вино уже перебродило.
И смурной куражится водила
на развилках сумрачной страны.

Мимо элеваторов, токов,
окоёмов озими и пашен —
проливным дождём полузакрашен,
путь лежит, непрям и бестолков.

Это стрелка истоиво спешит,
это воздух, волглый и прогорклый,
размывает кручи и пригорки,
дождевыми стрелами прошит.

То зернохранилища спина,
то крыльцо разрушенной пекарни,
то винцом загруженные парни —
вот и вся вечерняя страна.

Но пока окрест черным-черно,
мчит УАЗ, грядёт похолоданье.
У водилы важное задание.
И ему отсрочки не дано.

* * *

В ледяном просыпается город поту,
рассыпается временной тьмы шелуха.
Чай бежит на плиту, жизнь спешит в пустоту —
И заварка свежа, и страна широка.

За стеклярусом веток в три яруса твердь —
лак асфальта, бордюры, немые дома —
изо льда состоящая нынче на треть
и сводящая оцепененьем с ума.

Что цейлонского нёбная горечь с утра
да испарины завязь на складчатом лбу?
Этот холод ничуть не ушёл во вчера,
обратившись в бедовую чью-то судьбу.

И ничем эти бусины не промокнуть,
и слабо кофеин оголтелый унять,
и по жутким морозам поверить, что жуть
не вернётся на круги опять и опять.

* * *

закатывать ясные глупо
а если вослед посмотреть
то позднеосенняя лупа
масштаб увеличит на треть

а может быть даже и вдвое
а может и вовсе в разы
чтоб молча брала за живое
волшебная линза слезы

и прянет шершавая сырость
вовсю разрастаться оплечь
чтоб данная в детстве на вырост
равнялась молчанию речь

и после последнего слова
по кронам сочился свинец
и всё обозренье былого
вело к слепоте под конец

и где там листва где коренья
у зрения спрашивать зря
небесных деревьев оперенье
редет в конце октября

как в сумерках около школы
где слишком слаба бирюза
и не различают глаголы
воздетые к небу глаза

* * *

Пока окрестная пурга проходит мимо
и чайник крышкой гроыхает на плите,
над вешней Австрией, рассказанной и мнимой,
гуляет песенка в воскресной темноте —

мерцают сызнава над Веной черепичной
дизеы праздника без имени, и весь
бедняцкой прихоти, бессоннице скрипичной
то там аукается пригород, то здесь —

беспечной беженкой из весей виноградных
туда, где муторный до дрожи рыбий жир
в суровых бабушкиных каплях аккуратных
страшит любителя коверкать падежи.

И эти затемно будильниковы трели,
и поступь тяжкая автобуса по льду —
январь пропраздновали, ёлки прогорели,
и всю на пении пропели ерунду.

А третьей четверти тягучие чернила
не иссякают в синей ручке поршневой —
как жизнь куражилась, как скрипочка горчила,
в предсонный обморок врываясь не впервой.

И прежде нежели вдохнуть дунайской тины,
склонять для завтрашнего русского пойдёшь
слова, которыми едва ль переводимы
пурга и дерева разбуженного дрожь.

* * *

Кончатся вечеру, качаться
вчерашней тени на стене.
Озноб, молчанье домочадца,
улыбка детская во сне.

Плясать, пороги обивая,
ночной метели наугад,
чтоб наша сказка бытовая
предполагала сон и сад,

план заполошного пострела
в сердцах уехать насовсем.
Горит укутанное тело —
и пламень глух, и разум нем.

И раскалённым нетерпеньем
померкший мир заморожен,
предколыбельным беглым пеньем,
калифьей властью, страстью жен,

визиря льстивым мадригалом,
Евфрата мутною водой,
кинжалом тайным, платьем алым,
кунжутом с цедрой молодой.

Идет садовник в недрах сада,
идет свеченье от реки
сквозь переплясы снегопада
и пригородные дымки

в берлогу вирусной дремоты,
в горнило липких одеял,
ведь счастья северные льготы
еще никто не отменял.

* * *

Текла перебранка наружу
от скатерти с вечным пятном.
Открытая форточка в стужу
нет-нет и приснится потом.

Не предполагалось утечки
домашнего доброго зла...
Во сне улыбнётся утешно
та, что лишь ругаться могла.

За частую водку некстати,
за чёрную страсть кобеля...
Как простыню в общей палате
застелена снегом земля.

Но длится пустая разборка
и ночью не гаснет пурга.
С какого неведомо бока
Морфею зима дорога —

внезапного гнева напряги,
вчерашнего ветра игра...
И всё хорошо на бумаге,
что кровь леденило вчера.

* * *

ситро на запивку картошка рагу
окурки дымят в новогоднем снегу
отец гоношится с гитарой

замнач секретаршу снегуркой одел
за всю уминает отцовский отдел
пустой заставляется тарой

у нас беззатейно и тесно в гостях
зачем-то над окнами вывешен стяг
тусуются белые мухи

идут анекдоты ну полный улёт
с надрывом взавправдашним дядя поёт
про чьи-то сердечные муки

и телек рекорд и крутилка аккорд
и первый полет и рекордный окот
мурыжатся в тамошней ступе

детсадовский праздник и баба яга
а после до дому и вся недолга
пою с итээрами вкупе

ночной нескончаемый вкрадчивый снег
мучительно потно и дымно во сне
о лакомых планах на лето

какая в июле ужалит оса
по свежей тоске отпускного отца
и море заплещется где-то

магнолии влажным огнем расцветут
пломбир разойдётся по нёбу и тут
пора на прогулочный катер

и станет смелей уменьшаться земля
и всё на земле мне ля-ля тополя
пока эта лодочка катит

* * *

Выплывают нехотя и зло
молодости пламенные лужи...
Всё могло бы кончиться и хуже,
да на всю катушку повезло.

Оживают в сумрачной башке
взрослости сквозные посиделки.
Стопки заразительны, да мелки —
вот и отбываешь налегке.

Проступают в утреннем дыму
ветхости навязчивые пятна...
Расставанье понято превратно,
да не растолкуешь никому.

* * *

Посёлок весь в снегу по пояс,
и предназначено зиме
печатать медленную повесть
в полуразрушенном уме.

О том, как снег ложится глухо
в углу медвежьем наугад
и наступает зверь на ухо
тому, кто слушает закат.

И хлопья с кровью ближе к ночи
лишь тишиною тешат слух.
Не получается короче,
пока огонь свиреп и сух.

И пламя газовой горелки
пустую душу пепелит.
На стенке стопорятся стрелки
среди молчанья аонид.

А рукопись анахорета
способна ждать и не тужить.
И чтобы выдюжить всё это
необходимо жить и жить.

И зажигать за облаками
огни Медведицы Большой,
в уме растапливая камень
разноголосия с душой.

Темнеют квёлые сельмаги,
ларьки с печеньем и водой.
На разлинованной бумаге
молчальник снова молодой.

Здесь веси облачны и нищи,
в окне кровавится финифть.
Но житель жизнь на пепелище
уполномочен сочинить.

* * *

Передают, что там снегопады ныне.
Завалило машины по крыши — стоят кто где.
Вижу, как в приоткрытой смолишь кабине —
«Данхилл» всегда выручал в беде.

Всё заросло белизной, затонуло в нетях —
не различить, не вычертить на снегу
марево этих лет, оголтелых историй этих,
эту повадку жить через не могу.

Там никотин — утешитель по всем вопросам —
и улыбнётся сквозь молоко стекла
трассам и тросам, множющимся торосам,
та, что дорогу выбрать себе смогла.

Служба спасения в срок расчехлит лопаты
и расчехстит всех,
кто прошлёпал с утра прогноз —
сами кругом в проблемах и виноваты —
граждане нынче наружу не кажут нос.

Сожалеешь, согласна двумя руками —
если б не график, сидела бы на печи
да изучала какого-нибудь Мураками —
даром Тургенева в сердце ищи-свищи.

И ни звонков, ни скайпов негож излишек —
хватит тянуть бесконечно кота за хвост
и толковать, что в стране дураков и вышек
всё нескладуха да гульбище в полный рост.

И не спасёт никто от любой засады —
в снежном ли, в ледяном плену —
чем не богаты, тем беспросветно рады...
Не кликайте прожитую страну.

* * *

Прими на грудь, возьми на бордаж
забытую посудину безумья...
Дежурный — до одиннадцати наш,
и наготове корка да глазунья.

И говорит не «штормы», а «шторма»
кассетник на предсмертных оборотах.
Когда зима, легко сойти с ума,
в заснеженных не мешкая воротах.

Покуда круговая беготня
ветров и хлопьев не осточертела,
слепая ночь куда светлее дня
на календарных волнах беспредела.

И вся печаль — собраться и успеть,
покуда корабли не затонули...
Пурге — гудеть, гонцу — спешить и петь,
мелодию угадывая в гуле.

Содержание

МЕСТНОЕ НЕБО

«Струнные режут слух, небосвод кровит...»	5
АКВИЛОН	7
«Январь безумца обязал...»	9
«Радиоточка брешет день-деньской...»	11
«Множитель взглядов искоса, слов не в масть...»	13
«На местном небе месяц вышит...»	14
«Сумочка в частую крапину...»	16
«Даром ночи, яростно ясны...»	17
«Расставляет вехи кто и дразнит на полпути...» . .	18
«В Москве-руке февраль дрожит...»	20
«Ледок изъеденный крошится...»	22
«Лучше выращивай кактусы, каланхоэ...»	24
SILENTIUM	25
«Как ни покушается ветер-снежок...»	26

ЦАРСТВО ЖИВЫХ

«Является март в отдалённый район...»	31
«Смазливый день раскинет створки...»	32
«Небо упало на город — и вот...»	33
«по-над потерями значений...»	34
«На Вербное, наверное, зайду...»	35
«Снежок нечаянный пасхальный...»	36
«Что за манера кричать во сне...»	37
«Покурить выходишь — весна весной...»	38
«Клеймён ленцой позднесоветской...»	40

«Это всего ничего — до завершения жизни...»	41
«Снег по апрелю и маю...»	42
«Град срывает крышу, крушит чердак...»	43
«Ступая засветло на мокрый...»	44
«Мартовский дождь умножает печали...»	45
«Свет занимается дальний...»	46

ВОРОНКА ВРЕМЕНИ

«Повелевающий оспю и чумой...»	49
ВЕСНА	50
ЛИПЕЦК	52
«Шум в Первомайском драного шапито...»	53
«печать печальников громила...»	54
«Девки в цветастых масках, кусты сирени...»	55
«Бусины пота на шее горят...»	56
«Он сигаретные пачки мнёт...»	57
«Нас веселила сила ветра...»	58
«День на день не приходится больше...»	59
«И век забыт, и год неважен...»	60
«Как ни горяч ночной Арей...»	62

РАЗМЕРЫ БЕДСТВИЯ

«Утро приходит сквозь птичью речь...»	65
«Ужин дачный на участке у межи...»	66
ВЫСТАВКА	68
«Прежде чем выдать, медлишь который раз...»	70
«Вот и вишен почти не осталось...»	71
«Летний свет на трещины тороват...»	72
«Гортань окропив алкоголем...»	73

«Берег отменно крут и почти скалист...»	74
«Он приговаривает: "Ерунда"...»	76
«На шифоньере скипер с трубкой книзу...»	78
«Запомни загар на девчачьей руке...»	79
«Воздух предместья его сгубил...»	80
«Вечер пробирается по крышам...»	81
«Холодком по пригороду влеком...»	82

УБОЙНАЯ МУЗЫКА

«Вот и осень исподволь подошла...»	85
«И в Петергоф, и в Павловск заносила...»	86
«Всё пуще крапами да пятнами...»	87
POST SCRIPTUM	88
«Дробный пригород дремлет лицом к стене...»	90
«Ночь вырастает сразу — во весь размах...»	91
«Дальние блики следуют по пятам...»	92
«Рассохся к осени сарай...»	93
«Дурной мотор хрипит и воет...»	94
«Даже имя припомнишь не вдруг...»	96
«Он перегружен жизнью свежей...»	98
«Рядом с Герценым квасить неловко...»	99
«Она говорила "спасибо"...»	101
«Кто оседлал стихию, пьянствует втихаря...»	102
«Расставанья на отмелях сплава...»	103
«Средь бульварных грачей, переминающихся терпеливо...»	104
«Клёнов оголтелая риторика...»	105
«Чёрный день до белой горячки прожит...»	106
«Где сумерки загустевали...»	107
НОЯБРЬ	108

БЕЛЫЕ МУХИ

«Он пробовал прозой. Но проза вредна...»	111
«Теперь довыдумать сумеи-ка...»	112
«Поделом тебе — кончились все припасы...»	113
«Сквозь разговоры о хорошем...»	114
«на прежнюю пряжу надёжу...»	115
«Крашенная барышня в авто...»	116
«Ноября обжигающий странный уют...»	117
«Если всё на свете принять в расчёт...»	119
«Увы, твои мальчишки сходки...»	120
«Разлетятся карпы и амуры...»	121
«Пустяки, что сбудется зима...»	122
«В ледяном просыпается город поту...»	123
«закатывать ясные глупо...»	124
«Пока окрестная пурга проходит мимо...»	125
«Кончатся вечеру, качаться...»	126
«Текла перебранка наружу...»	127
«ситро на запаивку картошка рагу...»	128
«Выплывают нехотя и зло...»	130
«Посёлок весь в снегу по пояс...»	131
«Передают, что там снегопады ныне...»	133
«Прими на грудь, возьми на бордаж...»	135

Литературно-художественное издание

Сергей Попов

ВСЯ ПЕЧАЛЬ

книга стихов

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка, макет — Ирина Ракитина

Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Cambria
Тираж 250 экз.
Сдано в набор 09.09.2021
Подписано в печать 23.09.2021

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.